

но

мое

му

ЛОБАНОВ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Никита Лобанов

По-моему. Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71978746

SelfPub; 2025

Аннотация

Сборник рассказов для чтения во время перелёта по маршруту Калининград – Иркутск. Рекомендуется, для полного погружения, озаботится заблаговременно о наличии вокруг некоторого напитка, так же потребуется устройство считывания слов с экрана устройства показывания слов. В остальном действуем по инструкции: ты, я, мы вместе.

Содержание

1	5
2	8
3	10
4	12
5	13
6	15
7	16
8	17
9	19
10	21
11	22
13	24
14	25
15	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Никита Лобанов
По-моему.
Сборник рассказов

1

Большинство мужчин воняют, и поэтому любят лес. Никто им не говорит вонять, и никто не говорил обратного. Просто мужчины росли и воняли, это стало нормой, но не даром они хлеб едят. В лесу ничего не воняет, там места достаточно и поэтому теряются запахи, а также мужчины. Они это знают и любят, потому что любить без знания сложно, пусть ты даже самый младший в семье и дурак. Что делают мужчины в лесу – никто вам никогда не скажет, а если хотите узнать, то сами идите в лес и посмотрите, и если вы мужчина, то всё, а если женщина, то, наверное, ничего не увидите, потому что не услышите, потому что вокруг много других женщин, им тоже может интересно посмотреть на мужчин, пусть даже они и воняют, это же мужчины. А кто, спрашивается, пустит их в лес, этих, получается, женщин. Лес, знаете, если бы был наполнен таким обилием, ведь как известно, женщины хотят сильнее, чем мужчины любят. Поэтому женщины научились маскироваться, кто под осину, кто под иву, кто под берёзку. А бывает, что и под камни, и мох, и ручьи, чем каждая богата, тем и предстаёт, а мужчины не знают. И весь лес, уже даже и не лес, а просто женщины, хотящие мужчин, которые воняют. Ах если бы он знал, то никогда бы и шагу не ступил в лес, не покрывал бы скрытые тропинки своей вонью, но он стоит, неведающий, посреди дубравы,

воняет, а ничего не уловить, а только женщины волнуются, волнуются кусты, кроны деревьев, «это же надо,» волнуются они «стоит!». И напряжение чувствуется и нарастает «стоит, ты посмотри, а!» и мошь летает вокруг его бороды, пищат комары, кричат птицы небесные, журчат реки подземные, и словно вой трубы иерихонской стоит в воздухе, смешалось всё, а он стоит, понимаешь ли, и ничего, думает, наверное, дескать, погодка какая сегодня или о чём там мужчины себе думают. Собрался весь лес на этого мужчину посмотреть, и каждая женщина, даже пусть непричастная, мимо пусть проходило, а смотри – притянуло и её напряжение, и ладно уж, течёт она себе по воле своей сквозь кипящих женщин, течёт и журчит, и ничего не думает. А остальные то женщины думают, так неистово думают, что даже голова чешется у мужчины, думают они о чём он там думает, подлый. А почему, спрашивается, подлый? Ну, друзья мои, так нельзя, нельзя с женщиной спорить, что толку, мир же потому и живёт, что женщина хочет, она из-за этого своего зудящего «хочет» уже не лесом стала вокруг мужчины, который стоит и воняет, а деревней стала, а потом и городом. А что же, спорить что ли с ними, подумайте только, а лучше не надо, как та, которая течёт между кипящими, холодной водой журча, спокойствием бережки скромные укрощая. А почему? А потому что мужчина чувствует напряжение это, идёт вдруг женщина, на ветки сухие наступает, траву приминает и ветви елей ревнивых рукой своей двигает. Идёт и видит овраг чёрный,

а по оврагу чёрному ручей чистый, такой, что чернота виднее видного стала. Идёт он по движению ручья осторожно, да только снова ногой своей топчет побегу молодые, другой ногой через старые перепрыгивает, идёт бездумный, а лес и того пуще заголосил, уже так что не идёт мужчина этот, а бежит по бережку. И вдруг кончился лес, за спиной он уже с голосами его яростными, а перед мужчиной женщина стоит, спокойная как ручей через бор проходящий, и видит лес что мужчина женщину эту за руку взял и пошли они вместе, и падают от этого дерева в пустом, без мужчины, лесу, и слышен этот треск и вой только самому лесу. И скрылись они из вида лесного, а лес уже другим занят, обсуждает во все голоса, какой он всё-таки дурак, и к тому же вонючий. А кто прав тут уже не вам решать, а куда пойдут эти двое, это уже не нам ведомо, только известно, что и в городе такие спокойны будут, и в деревне, и в лесу. И если нет в тебе спокойствия и вокруг всё кричит о том, что ты воняешь, то так-то и есть. И если слушать и прислушиваться к каждой молодой осине или мхом покрытой высокой сосне, то значит слушаться их. И если даже стоишь ты среди ручьёв многих и каждый тебе журчит, то еёшний журчит тебе.

2

Если сложить население всех стран на земле, получится, что в сумме они знают больше двух сотен песен о любви на идише. А виноваты в этом евреи, как обычно. А ещё получится, людей на земле больше, чем граждан и гражданок всех стран, а в этом знаете кто виноват? Любовь.

Жал руку одному человеку, давайте представим, что его жену звали Надежда, так вот он бы тогда был Надеждин, а не русский, и не еврей, разумеется.

А сидел как-то я скучающим, меланхолил каждую неделю, без повода, сидел от наших мест далеко, от метра позолоченного далеко и от булыжничковых мостовых, и смотрю вдруг, туда, в сторону Ленинграда, а его не видно.

Очень далеко сидел, а он сидел у меня внутри, а внутри меня внутри его горели печи, а дым из печей шёл немного горький на кончике, но пойдёт, а кочегарили эти печи внутри меня внутри его шлюхи. Ах, какие это были шлюхи, никто во всём мире так не брил ноги, никто так на целом континенте не мазал тело своё персиянскими кремами фикспрайсовыми и никто так никогда не делал того, что они там ещё такого делали. И звали меня эти шлюхи, к себе, приманивали, будто бы. Только и я ногу брил, и я крему мазал, и я знаю, что это такое, и ты, мой мальчик, не забудь, что город Ленинград стоит на болоте, а печкари-кочегарки в нём хотя и хохо, од-

нако всего лишь работу свою делают, и делают очень хорошо.

А ты таким можешь похвастать? Если ты, скажем, не шлюха, а продавец, встаёшь ли ты в пять утра чтобы утюжить цветной свой галцстук, кладёшь ли камня в уста и орёшь ли на дикий прибор, словом, совершаешь ли ты разные действия соответственные?

А вот и нету, вот и молчи, презрение своё уняв, пока не сравнишься со шлюхой. А потом уже и говори в микрофон «да я не продавец, да это временно». А кто ты есть, саранча? Шлюха всегда знает, что она шлюха, и всё у ней, а ты как суп из лапши на февральском морозе, только вкус хуже. А если не знаешь, какой вкус твой и кто есть ты, то подожги себя и иди, и гори, и тогда прохожий тебе скажет, а может и сестра, что горчишь ты не только на конце, а дымишь как демон селитровый, в пиджаке из пластмассы, а бабушки в автобусе подтвердят. Поэтому многие и не горят, стесняются гари своей, и я, зная, говорю это тебе, горю и дым мой сладок, потому что знаю кто я есть. А ты чмо.

3

На Веронике всегда росли волосы, а на её будущем муже наоборот, никогда. А муж у неё был авантюрист, надо заметить, так они и познакомились: муж шёл к морю по крестополью, а Вероника стояла у дороги и ничего не видела, потому что обзор заслоняли волосы. Потом у них, конечно же родился сын, потому что так всегда и случается, и когда он подрос, выяснилось, что ничего этот сын не любит на земле, кроме звуков скрипки, а ещё на земле жила Марьяна, она родилась в Болгарии, но потом переехала, так они и познакомились: сын шёл к морю по крестополью, а Марьяна стояла у дороги и ничего не видела, потому что обзор заслоняли чемоданы. Потом у них родился сын, потому что так обычно и происходит, а этот сын, надо заметить, с самого детства был восьминогий. Идёт как-то этот сын, который одновременно внук, к морю по крестополью, смотрит, а у дороги пусто, потому что все разбегались, когда его видели, потому что он восьминогий. Тогда этот сын, который внук, дошёл до моря, стоят и не знает, что дальше то делать, ведь получается дошёл, а как тут не дойти на восьми ногах и тут бац – из моря Степановна вышла, на руках, потому что у неё хотя и не было ног, но руки были очень сильные, за это её народ и прозвал Степановной. Смотрит на неё сын, а надо заметить, он в этот момент особенно ничего не понимал, а Степановна и сама

на него смотрит и как побежала к нему на руках, добежала до восьмой ноги, забралась на спину сына и потом у них родился сын. У сына этого ничего особо и не было, но и с другой стороны всего было, поэтому он ерундой не занимался, а сразу начал учиться на инженера водопроводного насоса, и так долго он этому учился, что уже и учить его никто не смог на целом белом свете, и ходил он немного грустный, но всё же немного и наоборот, и идёт он как-то по дороге в крестополье, а у дороги женщина стоит, ну а ему хоть бы хны, а женщина ему как закричит что-то невероятное, так он и остановился, посмотрел на эту женщину, а потом у них родилась дочь. Дочь назвали Катенькой, она в прокуратуре работает.

4

Хорошо, когда названия песен в не прослушанном альбоме кажутся многообещающими, и хорошо, когда ты так себя уверенно чувствуешь, будто люди на тебя смотря видят сразу чёрно-белую размытую фотку из вк на фоне входа в бар на одной из улиц близ станции метро Маяковская. И хорошо, когда сегодня день экзаменов, а тебе вообще всё равно, всё одно и дождь по дороге в универ, и рубашка заправленная в штаны и когда в очереди стоишь а кто-то из параллельной группы разговаривает на тему немецкой техно сцены восьмидесятых. И хорошо, когда у тебя элегантно зубочистка в зубах, и это тоже не важно, потому что ты куда-то идёшь, в наушниках какой-то новый альбом, где каждая песня идеально подходит падающему дождю, а тебе сегодня дожить нужно не просто до экзамена, и даже не до вечера, когда вы пойдёте в бар целоваться и пить пиво, а вообще доживать не надо, потому что вот оно, идёшь, а там дождь закончился, и женщины с пакетами ходят по улице, а на тебя бабочка села.

О политической беспомощности правлящей партии.

Я Судаков Филимон Петрович, житель посёлка пгт Мурино, Муринского административного муниципального центра и меня беспокоит наличие в нашем районе такой вот гадо-сти. Мне самому 32 года и уже 2 (два) из них я выплачиваю ипотеку, намерен продолжать в том же духе, но такие личности меня немного удивляют, и я их ненавижу.

На втором этаже нашего жк (далее – жилищного комплек-са) проживаю я, с семьёй и каждый Божий день под наши-ми окнами происходит совершенно нелицеприятные встре-чи так называемых молодых людей, которые своей громкой музыкой с непонятым вокалом продолжают мешать мне, а также моей супруге, спать по ночам.

В качестве доказательств их вины могу предоставить видеозаписи надлежащего формата, аудиодорожки. Сам я окончил школу давным-давно, но помню, что ничего подоб-ного у нас тогда не было и питались мы кое-как. Теперь же, с позволения их родителей, мне приходится выслушивать ка-кие-то крики, громкий лающий смех, а также свист. Данные

виды воздействия считаю неправомерными, в связи с чем объявляю о своём намерении написать в соответствующие правоохранительные органы, прокуратуру, а также лично в администрацию президента. За мной дело не постоит.

В качестве решения данного вопроса, а также для регулирования прочих предлагаю перенести второй этаж нашего жилого комплекса «Слепая корона» на восьмой, а восьмой, в соответствии, на второй. Далее, пользуясь случаем, замечу, что до сих пор не решена проблема с парковочными местами, колонками для воды, как это стояло на подписанном главным инженером строительной компании плане. С уважением, Судаков Филимон П.

Дядя сидел на подоконнике и пил молоко уже второй час. Вечерело. На улицы выходил народец в рубашках с короткими рукавами, колясками и пакетами, а дядя, глядя на вечернюю толпу грустнел с каждой минутой, но молоко пить не прекращал. – Дядя, я тебя вижу насквозь. – прозвучал вдруг строгим тоном незнакомый голос. – Кто это ты? – спросил дядя. – Я твои лёгкие. – ответили лёгкие.

Дядя прекратил пить молоко и начал думать, но тут же прервал себя, потому что, наверное, лёгкие видели его мысли, поэтому дядя постарался не читать в голове мысли, но это его только сбило и мысли стали сами читаться.

– Хотел сказать, дядя, кое-что. – вновь раздался голос. – Да, да, что? – ответил дядя. – Я смотрю на тебя дядя, уже давно и мне всегда было интересно, почему ты не кавалерист? – А почему я должен быть кавалерист? – Мне так кажется. – ответили лёгкие.

И дядя всё понял, прекратил пить по вечерам молоко, сидя на подоконнике, записался в кавалерийский отряд, ему дали лошадь и с тех пор по вечерам он скакал на лошади по широкому полю, а солнце каждый раз обнимало его улыбающееся лицо.

Над антресолюю квартиры Карманчиковых был сплошной, монолитный потолок. Стяжка, говорили мастера. Красота, говорили гости: бывшие одноклассники и группа коллег, заходившие на поцелуи, чаёк и коньячок в пятничные, спокойные вечера. Средний возраст семьи Карманчиковых колеблется в десятых числах тридцати трёх. Возраст опасный, наводящий на размышления, коими и были заняты умы самых прогрессивных членов фамилии, и потому, что размышления были тяжёлые, приходилось обращаться к мудрости веков. Века к вопросам были готовы и частенько завершали полилоги зычными заклинаниями про камни, мох и куда-то текущую воду. Аргументация была железна, обоснование было бетонным – на железобетонном каркасе идеи о хранении энергии зиждился их покой.

Над антресолюю квартиры Карманчиковых, над спокойным небом потолочной стяжки были перекрытия, а над ними, согласно документам, росли и беспорядочно перемещались беспокойные атомы хозяйства одинокого и свободного артиста мира и гражданина сердца – Асклепия Бермундовича. Однажды он ходил за банками, и кое-чем ещё, но рассказать, что там с чем и почему уже не получается.

Был как-то Константин и всё ему было так понятно, что общался он со своими одноклассниками только присказками и метафорами, за это его часто били и называли рыжим, но это он тоже всё понимал, поэтому не обижался, и вообще он, наверное, никогда не обижался, до тех пор, пока девочка из параллельного класса не начала понемногу воровать его части. Сначала палец украла, потом бровь, и совсем стало Константину обидно, потому что этого уже он не понимал, а если уж он не понимал, то было понятно, что никто не поймёт, а девочка эта будто даже не замечала, а Константин то исчезал. Через половину апреля от Константина уже и ничего не осталось, только позвоночник без трёх позвонков, сердце с клапаном и нога. Тут уже, конечно, он не выдержал, припрыгал к этой девочке, смотрит на неё, а сердце пропало, и сразу же за ним позвоночник, и ногу тоже отняли, и стоит вроде Константин, а вроде и нет, вроде бы смотрит на девочку, а девочка на него, и всё. Но тут, казалось бы, всё, а может и наоборот, потому что девочка ему говорит вдруг – «Зачем ты похищаешь части мои, мальчик, вчера ещё оставалось у меня сердце, нога, да позвоночник, а сейчас посмотрела я в глаза твои, и ушло моё сердце, а с ней и позвоночник и нога.» И тут Константин конечно же бы всё понял, если бы не наоборот, потому что не было уже Константина, а был толь-

ко звенящий весенний вечер, сквозь который пилотировали эскадрильи причерноморских цикад, отблёскивая хитином свет тёплых фонарей, и не было больше девочки, а был только кое-где искривившийся школьный забор, тишина, которую хранили тени от гаражей на пустынной опушке школьной территории. И тогда Константин, который не мог ответить словами, потому что слов таких не было, приблизился к девочке и обнял её всем своим теплом, запахом и домом и сказать бы, что вернулись они в себя и получили обратно свои мышцы, кости и уши, если бы не наоборот, потому и не было больше никогда ни Константина, ни девочки, а только каждый вечер Константин возвращался домой и его встречала девочка, если только не наоборот, когда девочка возвращалась домой, а её встречал Константин.

Не принимает почта Россия, никакие не принимает, какие не принимает так сразу женщины почты России плачут на эти конверты вместо того, чтобы облизывать. Так с женщинами всегда, когда нужно облизывать – они плачут, а когда нужно плакать – уже не время облизывать, всему своё время. Время облизывать, *Le temps de lécher, Tempus lingent*.

Я потерял мысль, а почта России потеряла мой конверт, я приходил к ним, а они плакали, и как мог я – сын своих родителей не пожалеть этих бедных женщин, и видит господь – я пожалел их, но и с конвертом нужно было что-то делать. Даром я не я если бы не догадался пойти по следу слёз, потому что это только на первый взгляд кажется, будто все слёзы одинаково, нужно объёмное и плотное упорство, чтобы начать облизывать и научиться облизывать, ведь когда ты умеешь облизывать, то и плакать некогда, это секрет жизни. И я шёл от отделения к отделению, горестный и от женщин, и от отделений, потому что это за дорога такая, когда одни отделения и спрашивается у распоряжающихся – а где сразу всё вместе и почему всё не сразу вместе? Кому на ум пришло отделять и чего они, кому на ум пришло, спрашивается, добились? А я шёл и шёл, и тут, наверное, вы спросите меня невпопад «а что нужно облизывать и чем плакать»? А если не спросите, то не беспокойтесь, меня уже о таком спроси-

ли, а с каждого, как известно, можно спросить только один раз, сразу последний. И с меня спросили, и я ответил, что если спрашиваете вы меня, чем плакать, значит, у вас есть выбор, а значит, плакать, может быть, ещё и не нужно, а если вы спрашиваете, что облизывать, то это уже второй вопрос, и хотя с меня можно спросить только раз, разве был бы я тем, кем был бы, если бы не пожалел того, кто умеет плакать разными вещами, поэтому я ответил ему – облизывайте то, откуда плачут, не ошибётесь, на этом я ушёл.

И шёл, перебирая отдельные слёзы женщин, облизывал то откуда они плакали и шёл дальше пока не дошёл до адресата. А что значит в нашей жизни «дойти до адресата»? Это уже третий мой вопрос самому себе, а с себя самого в этой жизни можно спросить ещё меньше, чем один раз, даже если жалко, поэтому у меня не осталось ответов, а надо признаться, все вопросы смыли женские слёзы. И вот я дошёл до адресата и это самое важное, гораздо важнее, чем письмо, потому что письмо отдельное, а я сразу весь.

Возможно, вы подумаете спросить себя «а где мне найти адресат»?

И я скажу вам, потому что уже пришёл, и мои возможности обгоняют жизнь как каждая новая женская слеза обгоняет слезу каждой старой женщины – нужно искать даром ищу тебя по городам скипидаром даром тебя в обиду не дам не месье сыщик

10

«лето я провёл в деревне, я никита, моя бабушка однажды испугалась в июле, потому что мимо проползал полоз, поэтому она совершила оперативную серию выстрелов из тактической винтовки Дягилева модели 47у в направлении предполагаемой атаки, задавив подавляющим огнём возможность контрнаступления противника, чем обеспечила себе надёжную оборону и просматриваемость позиций»

11

В моём автобусе всего навалом, и языков, и студентов, и вообще сидит старик. У старика сыновья мужики, а ноготь на указательном длинный, заводской, старик спит. В голове старика старик молод, он молод в своей голове, он там идёт и видит церковь, а у церкви стоит рабочий и говорит ему «ну пошли», а старик качает головой и идёт от церкви, ищет пивную, идёт по бесконечным улицам с двухэтажными домами, машины без пилотов катаются по городу, а он идёт и никак не может найти пивную, хотя вообще он помнит, что она на горького, но её там уже нет, и друзей у него, с которыми он туда ходил тоже нет, а есть только ноготь, крепкий и заводской, будто он ему зачем-то нужен теперь.

12

Кропоткин не был ситхом, джедаем он был. А отличительной чертой был нос с греческим бугорком. Носом своим джедай Кропоткин гордился, и в речи употреблял численное множество пословиц про нос. Поскольку количество пословиц было ограничено, бывало, что Кропоткин садился и писал свои, про нос, разумеется, делал он так потому, что у него было очень много времени. Джедай оно вообще профессия такая, джедай он как вор в законе, законы ему не писаны, соблюдает свои, носит особые наряды, обучен рукопашному бою, имеет влияние на политических деятелей, однако Кро-

поткина однажды посадили в тюрьму.

Сидит в тюрьме он, пословицы пишет, отдыхает, как вдруг в камеру ему кидают Махно, а зачем, спрашивается в камере Кропоткина Махно, кому этот Махно этот вообще нужен, когда он типичный южноукраинский ситх, анархист и подозрительная личность. В общем, Люсенька, так своему мужу и скажи, а если спросит, чей это конь стоит у избы, то ответь, что ему купила в подарок.

Мужчины уходят на север, а женщины уходят замуж и возникает вопрос: а кто это там на севере и кто этих вот берёт замуж?

Должна быть какая-то третья партия, минимум, и репутация у этой партии заранее подмочена талым снегом и слезами на фате. А почему бы, спрашивается, этим третьим себя не показать? Отчего смущаются они, стыд ли грызёт? А четвёртым? А что, если это сразу третьи и четвёртые, только третьи. Есть мужчины, получается, есть женщины и все остальные.

Хоронько мне сказал, что музыка моя пахнет нафталином, а она ничем не пахнет, это же музыка. Как вообще здоровый человек может думать, что музыка как-то пахнет, ещё скажите, что у музыки цвет есть. Скорую вызывайте, это же шизофрения, среди нормальных таким не место.

Музыка, это набор звуков, положительно или отрицательно влияющий на слушателя. Ни больше, ни меньше. Чем популярнее музыка, тем она лучше, это тоже каждому понятно. Вот возьмём, например классику – Моцарт, Вивальди, Бах, всё. Больше этого нормальному человеку слушать не следует, да и эти то разве что на звонке сотового. А молодёжь эта напридумывает себе, идиоты, одним словом. Человек в жизни своей обязан неуклонно двигаться к норме, кто вбок – того по почке. Курят – кури, пьют – пей, танцуют – танцуй.

Как бабочка с пьяной любовью вспоминает свой кокон, так и Юра вспоминал рязанскую свою, безудержную молодость. Выросши на обветшалых и пожелтевших улочках, большую часть своего дня рождения, своего восемнадцатилетия он, выйдя по утрам в кепе набекрень и папиросой в зубах празднично пошатываясь, меря шагами зудящий конгломерат улиц старого района Рязани. Когда-то, в седую старину, здесь омывали песок, и Юрик не знал зачем, почему и какая от этого была польза, но много ли того, чего он не знал, мало ли, да только завела его праздность в скромный подвальчик, или, как кто-то их до сих пор называет приямок.

Однако стоит ли говорить, что... покидало лучами своими память его, а холод подземной мглы сковывал каждую его конечность, неся спокойствие и непоколебимую уверенность в правильность сделанного выбора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.